

XVIII столетия, как в этом хотели убедить русскую науку буржуазные ученые.

В самом деле, как только советские ученые принялись за разыскание соответствующего материала, немедленно открылось, что буржуазная легенда о Радищеве и о русской культуре XVIII в. вообще, очевидно, противоречит фактам. Оказывается, что, уже начиная с 1750-х гг., в Москве и в Петербурге действует весьма активно целая группа литераторов, ученых и публицистов определенно демократического типа. Мыслители и деятели либерально-дворянского лагеря, такие, как, напр., Новиков, как ни положительно мы расцениваем их прогрессивную общественную пропаганду, оказываются вовсе не самыми передовыми идеологами своего времени. Наоборот, такие литературно-общественные деятели, как Я. Козельский, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий и др., материалисты и просветители в самом высоком смысле этого слова, противники феодальной системы общественного уклада и самых основ феодального мировоззрения, — осуществляли на самом деле «крайне левую» группу в культурном движении эпохи. Это были профессора, переводчики, обильно выступавшие в печати не только с научными, но и с популярными произведениями, с публицистическими, философскими, политическими книгами и статьями, а также с художественными произведениями. Они оказывали существенное влияние на сравнительно широкую аудиторию и своей литературной деятельностью и своей работой в качестве педагогов. Их значение в культурном движении их времени было весьма велико. Как только мы введем их деятельность и творчество в круг фактов, образующих картину этого культурного движения, самая картина сильно изменится. Между тем можно быть уверенным, что дальнейшие разыскания и в рукописных собраниях и просто среди забытых, хотя и не заслуживающих забвения, книг дадут еще материалы, пополняющие наши только что образовавшиеся представления о демократической литературе XVIII столетия. Уже намечается группа поэтов, находившихся под влиянием радикально настроенных публицистов 1750—1780-х гг., поэтов-«разночинцев» XVIII столетия (Федор Козельский, Побединский и др.). Уже можно проследить наличие антидворянской и достаточно передовой струи в среде русских «самородков», иногда достигавших значительной культуры; так, напр., яркую страницу в истории русской культуры и литературы XVIII в. составит богатый архивный и забытый печатный материал о Федоре Каржавине, давно ждущий опубликования и напоминания о себе (над этим материалом много поработал В. И. Коплан). Целый ряд других литературных фигур ждет своего «открытия» в этом плане; так, напр., предпринятое А. В. Западным исследование деятельности Н. И. Стрехова, сатирика конца века, также дало весьма интересные результаты.

Совершенно особое место в общем соотношении сил русской литературы последней четверти XVIII в. занимала целая группа писателей, которых мы можем пока что условно обозначить как